ГОВАРД ЛАВКРАФТ

Некрономикон

Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л13

Howard Phillips Lovecraft

Перевод с английского

Составление *Екатерины Шатской*

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Некрономикон : [рассказы : перевод с английского] / Говард Филлипс Лавкрафт. — Москва : Эксмо, 2027. — 704 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-248609-8

В этот сборник вошли рассказы Говарда Филлипса Лавкрафта, объединенные одним из самых знаменитых образов его творчества — «Некрономиконом», таинственной книгой безумного араба Абдула Альхазреда. Она появляется на страницах рассказов как запретный источник знаний о древних существах, забытых культах и силах, существующих за пределами человеческого понимания.

Герои Лавкрафта сталкиваются с необъяснимым там, где, казалось бы, царят разум и порядок: в старинных домах и заброшенных городах, среди древних рукописей и странных находок, в кошмарных снах и глубинах человеческой памяти. Пытаясь разгадать тайну, они открывают гораздо больше, чем хотели знать, — и обнаруживают, что человек далеко не всегда является хозяином мира, который считает своим.

«Некрономикон» — сборник о запретном знании, древнем ужасе и хрупкости человеческого разума перед лицом Вселенной, чьи законы невозможно постичь. Здесь страх рождается не из встречи с чудовищем, а из страшной мысли: возможно, чудовища всегда были рядом — просто мы еще не умели их увидеть.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Шатская Е.С., составление, 2027
© Чарный В., перевод на русский язык. 2027
© Володарская Л.И., перевод на русский язык. Наследники, 2027
© Любимова Е., перевод на русский язык. Наследники, 2027
© Лихачева С.Б., перевод на русский язык. 2027
© Дорогокупля В.Н., перевод на русский язык. 2027
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-248609-8

Безымянный город

Приближаясь к безымянному городу, я ощущал проклятие, тяготевшее над ним. Путь вел меня через выжженную долину, полную ужасов, и в свете луны я увидел, как зловеще он вздымался над песками, словно труп, наспех присыпанный землей. Страхом сочились обветшалые, вековечные стены этого свидетеля потопа и пращура старейшей из пирамид, и незримая аура толкала меня прочь, призывая отступиться от древних и гибельных тайн, которые не дозволено видеть смертным и завесу которых ни один из них не отважился приподнять.

В отдаленной части Аравийской пустыни лежит этот город без имени, рассыпаясь в прах, и молчат его стены, почти скрытые песками бессчетных веков. Он был здесь еще до того, как заложили Мемфис, до того, как в печах обжигали кирпичи Вавилона. Нет легенды столь древней, что сохранила бы его настоящее имя, неоткуда узнать, кипела ли в нем жизнь, но чей-то шепот у ночного костра, бормотание старух в шатрах шейхов могли поведать, что ни одно из племен пустыни не смело приблизиться к нему, и никто не знал почему. Этот город видел во сне поэт-безумец Абдул Альхазред, прежде чем сложил загадочные строки:

Не мертво то, что в вечности покой
Сумело обрести, со сменою эпох поправши саму смерть.

Мне следовало бы догадаться, что арабы не зря сторонятся этого места, живущего в преданиях, но не виденного никем из живущих, но я, отринув все предрассудки, пустился к цели неторной дорогой, оседлав верблюда. Лишь я один узрел его, лишь на моем лице отпечатался весь ужас, что открылся мне, и меня одного бросает в дрожь, едва ночной ветер стучится в окно. Приблизившись к нему, я ощутил его взгляд из пугающих глубин бесконечного сна, лучом луны оледенивший мое сердце в этой жаркой пустыне. Окинув его взглядом, я позабыл о всякой радости, свойственной первооткрывателю, и спешился с верблюда, решив войти в город на заре.

Тянулись часы, наконец небо на востоке посерело, поблекли звезды, и горизонт зарозовел, зазолотился. Завыл ветер, взметнув песок над древними камнями, хотя на небе не было ни облака, и бескрайние дюны были безтревожны. Внезапно над краем пустыни вознеслось слепящее солнце, видневшееся сквозь песчаную бурю, уносившуюся за горизонт, и я, дрожа, словно объятый лихорадкой, услышал мелодичный лязг металла из далеких глубин, приветствовавший огненный диск, как колоссы Мемнона с берегов Нила. В ушах звенело, и в смятении, охватившем меня, я медленно правил верблюдом сквозь пески, приближаясь к безмолвному городу, который из всех живущих видел лишь я один.

Скитаясь меж бесформенных руин, я не мог отыскать ни единого барельефа, ни одной надписи, что поведала бы мне о людях — людях ли? — что возвели эти стены и жили здесь так давно. Мне становилось не по себе от того, насколько древним было все вокруг, и я тщился обнаружить хоть какой-то признак того, что город действительно был создан силами людей. Сами пропорции зданий, черты их вселяли в меня тревогу. Я взял с собой немало инструментов и принялся за раскопки, но продвигался крайне медленно, не обнаружив ничего стоящего. Когда спустилась ночь и взошла луна, я ощутил дуновение ледяного ветра, и страх погнал меня прочь из развалин. Когда я покидал пределы древних стен, песча-

ный вихрь забурлил за моими плечами, танцуя на серых камнях, хотя пустыня вокруг была спокойной, и сияла луна.

Вереница кошмарных снов мучила меня до самого пробуждения, когда на заре я вновь услышал тот металлический звук. Я увидел, как лучи красного солнца пронизали песчаный вихрь, рассеявшийся над стенами города, заметив, что пустыня вокруг была по-прежнему спокойна. Снова я отправился к руинам, мрачно гнездившимся среди песка, словно великан-людоед в укрывище, и снова мои поиски реликвий забытой расы не принесли плодов. В полдень я прекратил раскопки, а затем принялся отмечать направления стен и улиц, очертания исчезнувших зданий. Некогда город этот был в самом деле велик, и я гадал о природе подобного величия. Воображение мое создавало картины времен, что изгладились даже из памяти халдеев, я вспоминал Проклятый Сарнат в земле Мнар на заре человечества, вспоминал Иб, высеченный из серого камня до прихода людей.

В своих исканиях я с радостью обнаружил место, где каменное ложе подобием скалы возносилось над песком, обещая мне доступ к тайнам допотопной расы. На возвышении этом я безошибочно различал приземистые каменные дома или сооружения культа, залы которых еще могли хранить следы бесследно минувших эпох, когда все, что когда-то украшало стены снаружи, исчезло под натиском песка и ветров.

Слишком узки, почти скрыты песками были темные провалы рядом со мной, но мне удалось расчистить один из них при помощи заступа и протиснуться в него, освещая путь к ожидавшим меня тайнам при помощи факела. Оказавшись внутри, я понял, что здание, куда я проник, было храмом, и стены его носили знаки, оставленные расой, населявшей город до того, как пустыня стала пустыней. Здесь были примитивные алтари, колонны и ниши, все необычно низкие, и хоть я не заметил ни скульптур, ни фресок, множество камней помечали символы, высеченные чьей-то рукой. Потолок был настоль-

ко низким, что я с трудом стоял на коленях, но зал был настолько большим, что свет моего факела не достигал его края. Добравшись до отдаленных уголков его, я содрогнулся: некоторые из алтарей и символов намекали на позабытые, отвратительные, необъяснимые ритуалы, и я задумывался о природе людей, создавших этот храм и проводивших их. Осмотрев все помещение, я выполз наружу, воодушевленный тем, что могли скрывать другие подобные храмы.

Близилась ночь, но увиденное пробудило во мне любопытство, пересилившее страх, и я не бежал от длинных теней, смутивших мой разум в свете луны, когда я впервые увидел безымянный город. В сумерках я расчистил другой завал, и с новым факелом пробрался внутрь, вновь увидев неясные символы на камнях, мало чем отличавшиеся от тех, что я видел в предыдущем храме. Зала была столь же низкой, но намного меньше, и заканчивалась очень узким проходом, уставленным загадочными алтарями. Я осматривал их, когда вой ветра и крик верблюда снаружи нарушили тишину, понудив разузнать, что могло испугать животное.

Ярким лунным светом были залиты руины безыскусных строений и плотное облако песка, взметнувшееся с порывистым, но уже ослабевавшим ветром над одним из холмов передо мной. Я знал, что верблюда встревожил этот холодный ветер, и хотел уже увести его в укрытие, когда заметил, что ветер над холмом вдруг совершенно стих. Это поразило и испугало меня, но я немедленно вспомнил о столь же внезапно возникавших песчаных бурях, увиденных мной на восходе, заключив, что для здешних мест это обыденное явление. Я решил, что ветер дул из расщелины, что вела в пещеру, и осмотрел песок, чтобы проследить его направление, определив, что он исходил из храма к югу от меня, едва различимого. Я побрел к нему, сражаясь с песчаным ветром, и он становился все ближе, возвышаясь над окружающими строениями, а вход в него был не так сильно занесен спекшимся песком. Сразу войти я не сумел — ледяной ветер

необычайной силы едва не погасил мой факел. Этот загадочный поток все струился наружу, яростным дыханием взметая песок, разбрасывая его над причудливыми руинами. Вскоре он ослаб, и песок осыпался, и вновь настала тишина, но что-то таилось меж призрачных камней, и когда я взглянул на луну, казалось, она трепетала, словно в отражении встревоженных вод. Беспричинный страх овладел мной, но жажда знаний была сильнее, и едва утих ветер, я устремился навстречу породившей его черной расщелине.

Снаружи этот храм выглядел больше всех, что я уже обыскал, вероятно, он был высечен в пещере, раз вход в него нес ветер из подземных глубин. Здесь я мог стоять в полный рост, но жертвенники и алтари были все такими же низкими. На стенах и под потолком я впервые увидел следы изобразительного искусства древней расы, причудливо вьющиеся мазки, почти истершиеся в прах, а на двух алтарях со все нараставшим волнением обнаружил прихотливо сплетенный резной узор. В свете моего факела крыша имела слишком правильный вид, вряд ли природа ее была естественной, и я дивился искусству доисторических каменотесов. Их мастерство было неоспоримо.

Следующая яркая вспышка моего чудесного путеводного огня указала мне столь желанный путь в исторгавшие ветер глубины, и я предательски ослаб, увидев, что то была рукотворная дверь, врезанная в скалу. Я осветил себе путь, уводивший вниз по крохотным, крутым ступеням. Они всегда являются мне в моих снах, эти ступени — я постиг их назначение. Тогда они даже не казались мне ступенями — лишь слабой опорой для ног на крутом спуске. Мой разум одолевали безумные мысли, слова и предостережения арабских прорицателей будто бы неслись над пустыней из ведомых людям земель в землю, на которую никто из них не осмеливался ступить. Всего лишь миг, и сомнения мои отступили, и я, миновав портал, начал осторожно спускаться по крутым ступеням лестницы.

Только в ужасных наркотических грезах или умопомрачении мог кому-либо привидеться подобный спуск. Узкий проход, которому не было конца, вел меня вниз, словно на дно ужасного призрачного колодца, и свет факела над моей головой не достигал глубин, навстречу которым я шел. Я потерял счет времени, забыв сверить-ся с часами, и ужаснулся, осознав, сколь долгим был мой спуск. Ступени меняли направление и крутизну, наконец я достиг узкого прямого прохода, держа факел над головой и ощупывая камни пола ступнями. Здесь нельзя было встать даже на колени. Затем я снова почувствовал крутизну бессчетных ступеней под ногами, когда слабеющее пламя моего факела наконец угасло. Когда я заметил это, я все еще держал его над головой, как если бы он все еще горел. Мне не давал покоя инстинкт искателя необычного и неизвестного, тот, что заставил меня скитаться по земле, в ее далеких, древних, запретных уголках.

Во тьме мне виделись фрагменты желанного сокровища, дьявольского знания, изречения безумного араба Альхазреда, вселяющие ужас апокрифические сочинения Дамаския, печально известные строки из немыслимого «Образа Мира» Готье де Меца. Я вновь и вновь цитировал их, бормоча об Афрасиабе и демонах, плывших с ним по течению Окса, вновь и вновь нараспев читал одну и ту же строчку из лорда Дансени: «Безответная чернота бездны». Когда спуск стал почти что отвесным, я начал напевать что-то из Томаса Мора, пока не устрашился собственных слов:

О бездна черных волн, о мрак,
Что полнится, как ведьмы варевом,
Полночным зельем в лунном зареве,
Склонясь над ней, искал для переправы сил,
На самом горизонте мглы я зрил
Блестящий, будто из стекла, причал,
Вознесшийся над пеленою вод,
Там смертный трон, покрытый скверной, тьму венчал,
Исторгнут бездной, нечестивый плод.

Казалось, время перестало существовать, когда под ногами я вновь ощутил ровный пол, оказавшись в помещении, где потолок был чуть выше, чем в двух храмах где-то невообразимо далеко наверху. Стоять в полный рост я не мог, лишь ползти на коленях, и так, окруженный тьмой, я двигался неизвестно куда. Скоро я понял, что попал в узкий проход, в нишах стен которого стояли ящики из полированного дерева и стекла. Эти находки в подобном месте эпохи палеозоя вселяли ужас, и я содрогнулся. Ящики эти были горизонтально расставлены с равными промежутками, имели продолговатую форму, и омерзительным образом походили на гробы. Пытаясь сдвинуть два-три из них с места, чтобы осмотреть тщательнее, я обнаружил, что они надежно закреплены.

Проход казался длинным, и я устремился вперед, и то, как я двигался во мраке, ужаснуло бы любого наблюдателя: ползком, от стены к стене, ощупывая их и эти ящики, чтобы убедиться, что я держусь намеченного пути. Я уже привык ориентироваться при помощи осязания, почти забыв о тьме вокруг, и чувства рисовали мне бесконечный ряд из дерева и стекла так живо, как если бы я видел его. А затем, в единый миг смятения, я увидел.

Не могу сказать, когда мои видения слились с реальностью, но я приближался к источнику неведомого подземного свечения и различал смутные очертания прохода и ящиков. Все выглядело так, как я и представлял, пока свечение было слабым, но стоило ему усилиться, как я понял, насколько слабым было мое воображение. Зала эта была не грубым реликварием прошлого, как храмы там, наверху, но памятником неописуемой, необычайной искусности. Насыщенные, словно живые, фантастически смелые узоры и картины сплетались в сеть настенной росписи, которую нельзя было описать словами. Ящики из необычного золотистого дерева с крышками прозрачнейшего стекла заключали в себе мумифицированных существ, чей облик превосходил самые безумные видения.

Доподлинно передать то, как выглядели эти твари, невозможно. Они походили на ящеров, и в то же время в очертаниях тел угадывалось и что-то от крокодилов, что-то тюленье, и то, с чем не приходилось встречаться ни одному из палеонтологов. Размерами они приближались к человеку небольшого роста, конечности венчали подобия ступней с подобными человеческим пальцами. Но причудливей всего были их головы, нарушавшие все известные законы природы. Сравнить их было не с чем — в один миг я вспомнил черепа кошек, лягушек, мифических сатиров и людские. У самого Зевса не было такого колоссального, мощного лба, а рога, отсутствие носа и челюсти аллигатора ставили их обладателей вне всяческих классификаций. Я некоторое время сомневался в подлинности мумий, подозревая, что то были искусно сделанные идолы, но вскоре решил, что это в самом деле некий вид эпохи палеогена, когда в городе еще теплилась жизнь. Их нелепый облик еще сильнее подчеркивали дорогие одежды на некоторых телах, затейливо украшенные золотом, каменьями и неизвестными сверкающими металлами.

Эти пресмыкающиеся твари, должно быть, значили очень много для тех, кто сотворил эти ошеломляющие фрески и роспись на стенах и потолке. С непревзойденным мастерством художник отразил мир их городов и садов, где все было создано для их удобства, и я не мог отвязаться от мысли, что картины их жизни были аллегорией, иносказательно повествующей о развитии той расы, что поклонялась им. Я убеждал себя в том, что эти создания были для них тем же, чем волчица для римлян или тотемное животное для индейского племени.

Передо мной предстала поразительная история безымянного города, история могучей метрополии на морском берегу, владычествовавшей над миром до того, как из океанских вод поднялся Африканский континент, о времени невзгод, наставшем, когда море ушло и плодородная долина превратилась в пустыню. Я видел победоносные войны, поражения и бедствия и, наконец, ужас-

ную борьбу с пустыней, когда тысячи жителей города, здесь изображенных в виде рептилий, были вынуждены невероятным образом пробиваться сквозь земную твердь навстречу новому миру, о котором гласили пророчества. Все это выглядело настолько же невероятно, насколько было правдоподобным, и несомненной была связь этой повести с моим умопомрачительным спуском в эти глубины. На фресках я частично узнавал проход, который преодолел.

Продолжая двигаться ползком навстречу свечению, я осматривал картины заката той эпохи — исход расы, что десять миллионов лет царила в безымянном городе и долине, расы, чей дух был надломлен, исторгнутый из той колыбели, что знали их тела, куда они пришли на заре земных лет, высекая в девственных скалах эти святыни, которые никогда не переставали чтить. Свет становился ярче, и теперь я мог пристально изучать фрески, памятуя о том, что эти немыслимые рептилии изображали неизвестную расу людей, и подумать над обычаями тех, кто населял безымянный город. Многое казалось мне загадочным, необъяснимым. Цивилизация, владевшая письменной речью, достигла больших высот, нежели неизмеримо более поздние Египет и Халдея, но на полотнах ее жизни загадочным образом отсутствовали некоторые подробности. Я не мог найти ни сюжетов о смерти от естественных причин, ни о погребальных ритуалах, за исключением посвященных войнам, насилию и болезням, и не мог понять причины, стоявшей за подобными недомолвками. Видимо, взлелеянная идея иллюзорной вечной жизни служила вдохновением этим художникам прошлого.

Близился конец прохода, и попадавшиеся мне фрески становились все более насыщенными и изощренными, основываясь на контрасте меж опустевшим безымянным городом, превращавшимся в руины, и новой обетованной землей в подземных глубинах, к которой раса проложила этот путь. На них город в пустынной долине был залит лунным светом, над павшими стенами сиял ее

золотой нимб, приоткрывая непревзойденное величие минувших времен, изображенное призрачным, ускользающим. Сцены новой, райской жизни, диковинность которых граничила с неправдоподобием, запечатлели потаенный мир вечного дня, чудесных городов, холмов и долин неземной красоты. Увидев последнюю фреску, я подумал, что искусство перестало служить ее создателю. В манере живописца сквозил недостаток мастерства, а то, что он запечатлел, было несравнимо даже с самыми невероятными из ранних работ. То была летопись упадка древнего народа, в своем изгнании ожесточившегося против верхнего мира. Телесный упадок людей, изображенных в виде священных рептилий, все нарастал, но дух их расы, витавший над пустынными руинами в свете луны, становился сильнее. Истощенные жрецы, представленные рептилиями в вычурных одеяниях, слали проклятия земному воздуху наверху и всем, кто им дышал, а одна из последних, чудовищных сцен изображала примитивного вида человека, быть может, выходца из древнего Ирема, Города Колонн, разорванного на части существами старшей расы. Я вспоминал, как боятся арабы безымянного города, и был рад тому, что на этом сюжете роспись на стенах и потолке оборвалась.

Наблюдая страницы истории на этих стенах, я почти добрался до конца этой залы с низким потолком и увидел врата, из которых исходило свечение. Подобравшись еще ближе, я закричал от изумления — настолько ошеломительным было зрелище, открывшееся мне. Не освещенные залы лежали передо мной, нет, то была единая, бескрайняя сияющая бездна, подобная морю облаков в лучах солнца, что может открыться тому, кто покорил вершину Эвереста. За моей спиной остался проход столь тесный, что я едва мог передвигаться ползком, а впереди лежал необъятный подземный сверкающий океан.

Вниз в эту бездну вела еще одна крутая лестница, подобная тем, по которым я уже спускался, но на глубине в несколько футов я уже не мог ничего разглядеть за мерцающей дымкой. По левую руку от меня была массив-

ная, необычайно толстая дверь из бронзы, украшенная фантастическими барельефами, закрыв которую можно было отрезать весь этот подземный мир света от склепов и проходов, проложенных в скале. Еще раз взглянув на ступени, я не отважился идти по ним дальше. Коснувшись двери, я не сдвинул ее и на волос. Тогда я опустился на каменный пол: смертельная усталость одолевала меня, но даже она не могла унять мой бурлящий ум, полный самых невероятных предположений.

Так я лежал, закрыв глаза, предоставленный собственным мыслям, и многое из увиденного на фресках обретало новый, ужасный смысл — сцены, изображавшие безымянный город в дни его славы, зелень долины вокруг, далекие земли, куда ходили с караванами его купцы. Аллегорические образы ползучих тварей не давали мне покоя, ведь их образы присутствовали на каждой из важнейших страниц истории, и я не мог понять почему. Безымянный город изображался так, словно был создан для рептилий. Я думал над тем, каковы были его настоящие размеры и как велик он был, и над загадками его руин, в которых побывал. Любопытным было то, что и храмы, и их коридоры были настолько низкими, и, без сомнений, те, кто создал их, подобным образом чтили богоподобных пресмыкающихся, передвигаясь в них так же, как и рептилии. Видимо, самая суть религиозных отправлений состояла в этой имитации. Но ни одна из теорий не объясняла того, почему и проходы между залами были столь низкими, ведь там совершенно нельзя было выпрямиться. Страх вновь овладел мной, едва я вспомнил отвратительные мумии, что были совсем рядом. Разум порой рождает занятные ассоциации, и я задрожал при одной мысли о том, что помимо несчастного, разорванного на куски на той последней фреске, среди всех реликвий и следов доисторической эпохи лишь я один был человеком.

Но, по обыкновению, страх, гнездившийся в моем мятежном естестве, сменился любознательностью: сияющая бездна и то, что могло таиться в ней, было вызовом,

достойным величайшего исследователя. Я не сомневался в том, что крутые ступени вели в мир загадок и тайн, и надеялся найти там памятники, созданные рукой человека, которые тщетно искал в темных проходах. Их стены украшали картины невероятных городов и долин здесь, в подземелье, и воображение уже рисовало мне картины колоссального великолепия руин, ожидавших там, внизу.

На самом деле боялся я не будущего, а прошлого. Даже все кошмары моего пути ползком среди мертвых рептилий и допотопных фресок, на глубине многих миль под известным мне миром, приведшего меня в иной мир, мир туманного, призрачного света, не могли сравниться со смертельным ужасом, что внушал мне древний дух этого места. Древний столь неизмеримо, что, казалось, им пропитаны были эти камни, эти храмы безымянного города, свидетеля времен океанов и континентов, забытых человечеством, но невероятным образом сохранившихся на стенах, где порой мелькали смутно знакомые очертания. О том, что случилось со времен написания последнего из этих полотен, после краха презиравшей смерть расы, не мог поведать никто из людей. В этих кавернах и в сверкающей подо мной пучине некогда бурлила жизнь, теперь же я был один среди памятников прошлого, и я дрожал при мысли о том, сколько бессчетных веков они несли здесь свою безмолвную стражу.

Внезапно я вновь был сражен вспышкой ужаса, подобного тому, что объял меня при первом взгляде на смертную пустынную долину и безымянный город под холодной луной, и невзирая на изнеможение, я резко поднялся с пола, уставившись на черный туннель, уводивший наверх, к внешнему миру. Мной овладело то же предчувствие, как и в те ночи, когда я избегал городских стен, необъяснимое, не дававшее мне покоя. Мгновением позже я пережил еще большее потрясение, отчетливо услышав звук, нарушивший абсолютную, гробовую тишину, царившую в этих глубинах. Раздался стон, глубокий, гулкий, словно голос сонмища обреченных душ, исходивший оттуда, куда был устремлен мой взгляд. Он

становился все громче, жутким эхом отзываясь в узких туннелях, и я ощутил нараставший поток холодного воздуха, вероятно, струившегося из туннелей, что вели в город наверху. Его дуновение освежило меня, и я немедленно вспомнил о бурях, что поднимались над зевом подземной бездны, стоило солнцу закатиться или взойти над горизонтом, ведь именно этот ветер открыл мне тайну этих туннелей. Взглянув на часы, я понял, что близился рассвет, и приготовился выдержать ураганный натиск ветра, что стремился обратно, чтобы вечером вновь вырваться наружу. Страх мой притупился — явления природы развеяли мрачные мысли о неизведанном.

Все неистовее становился ночной ветер, струясь навстречу земным глубинам. Я пал ничком, вцепившись в дверь, из страха быть сметенным в сияющую бездну. Однако ветер был столь силен, что я и в самом деле мог сорваться в пропасть, и в воображении моем теснились все новые ужасные картины. Натиск разъяренной стихии порождал во мне неописуемые чувства, и вновь я сравнивал себя с тем несчастным на страшной фреске, растерзанным в клочья неведомой расой, ведь в демоническом шквале, что терзал мое тело, словно когтями, я ощущал мстительный гнев, порожденный его бесплодными усилиями. Остатки рассудка покидали меня — я яростно кричал, и крик этот тонул в завываниях призраков бури. Я пытался ползти, противиться убийственному течению, но безрезультатно — медленно и неотвратимо я соскальзывал навстречу неизвестному. И вот уже разум мой сдался, и я, простершись ниц, вновь и вновь повторял загадочные строки безумца Альхазреда, кому город без имени являлся в кошмарах:

> Не мертво то, что в вечности покой
> Сумело обрести, со сменою эпох поправши саму смерть.

Одним лишь неумолимым, зловещим богам пустыни ведомо, что на самом деле случилось тогда, в минуты моей неописуемой борьбы во тьме, какая преисподняя